

М., 2001. С. 341; *Бадалян Д. А.* Понятие «народность» в русской культуре XIX века // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XIX вв. СПб., 2006. С. 108–122; *Miller A. Natsija, Narod, Narodnost' in Russia in the 19th Century: Some Introductory Remarks to the History of Concepts* // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2008. № 56. Heft 3. S. 379–390.

³ *Гулыга А.В.* Гердер и его «Идеи к философии истории человечества» // *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества / под ред. А.В. Гулыги. М., 1977. С. 612–648.

⁴ *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. С. 208.

⁵ Там же. С. 470.

⁶ *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника / под ред. Ю.М. Лотмана. Л., 1984. С. 212.

⁷ Там же. С. 254.

⁸ *Карамзин Н.М.* История государства российского. В 12 т. / под ред. А.Н. Сахарова. М., 1989. Т. I. С. 14.

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.05

Болгария в идеологии «русского» панславизма (1820–1870-е гг.)

Константин Александрович Касаткин,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: kuzo1825@mail.ru

Ключевые слова: Юрий Иванович Венелин, Александр Фомич Вельтман, Иван Петрович Липранди, Болгария, панславизм

Bulgaria and “Russian” Pan Slavism in the Nineteenth Century

Konstantin A. Kasatkin, St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: kuzo1825@mail.ru

Keywords: Ivan Liprandi, Aleksandr Veltman, Yuriy Venelin,
Bulgaria, Pan Slavism

Панславизм, сформировавшийся как идейное течение в 1840-е гг., не являлся целостной идеологией — скорее он представлял собой совокупность разнородных и зачастую конкурирующих концепций, признававших, однако, несомненной культурно-историческую общность славянских народов¹. Так, получивший распространение среди австрийских славян «истинный» панславизм выполнял компенсаторную функцию, позволяя апеллировать к многомиллионной общности в борьбе за свою национальную самобытность. Поэтому он не предполагал ни политической интеграции, ни формирования унифицированного общекультурного пространства².

В Российской империи, стремившейся к реализации внешнеполитических амбиций, панславизм получил совершенно иное толкование. В первой половине XIX в. российские власти видели в распространении представлений о славянском братстве угрозу легитимным режимам и европейской стабильности. Но уже во время Крымской войны Россия оказалась в международной изоляции, рухнули иллюзии относительно единой христианской семьи европейских народов, и российская элита вынуждена была пересмотреть свои позиции. В данном контексте идеи славянского братства оказались весьма кстати. Этот «имперский», или «русский», панславизм в отличие от западной модели нес в себе огромный интегрирующий потенциал: его отличительной особенностью было отождествление интересов России с интересами всего славянства, что давало аргументы для обоснования внешнеполитической экспансии, трактуя ее как исполнение Империей высокой миссии и даже исторической необходимости³. Формирование «русского» панславизма началось в конце 1820-х гг., а становление в качестве важного элемента идеологии пришлось вторую половину XIX в. В центре рассуждений идеологов находились прежде всего южнославянские народы, но именно болгары, в силу исторических, культурных и политических факторов, очень рано стали занимать одно из центральных мест в построениях

российских панславистов. Рассмотрим этот процесс на примере работ Ю.И. Венелина, А.Ф. Вельтмана и И.П. Липранди, проследив эволюцию представлений о болгарях во взглядах теоретиков «русского» панславизма в 1820-е — 1870-е гг.

Не являясь в строгом смысле деятелем панславистского движения, именно Венелин сформулировал ряд теоретических положений, которые впоследствии стали неотъемлемой частью его «имперского» извода. Несмотря на то, что идеи Венелина казались фантастическими даже современникам, его труд «Древние и нынешние болгаре» стал важной отправной точкой этих идеологических построений. Венелин не только обосновывал славянское происхождение болгар, но и пытался реконструировать общее русско-болгарское прошлое, называл Аттилу «русским царем»⁴, а гуннскую империю — «Россией, державой между Дунаем и Волгою»⁵. Прежде история России не простиралась глубже призвания Рюрика, а ее границы почти совпадали с границами Империи. Венелин, отождествив болгар с русскими, показал, что история российской государственности началась как минимум на пять столетий раньше, чем принято считать, а истинные пределы России выходят за рамки общепринятых. Для него Русь — не одна только Российская империя, а бескрайнее Славянство, занимающее территории и далеко за Дунаем⁶.

Существенно расширил и углубил идеи Венелина один из его последователей — А.Ф. Вельтман, который стал официально признанным деятелем «имперского» панславизма. Венелин сомневался в возможности проследить историю славян до их прихода в Европу, поэтому ограничивал хронологические рамки античностью, и, не имея более ранних письменных источников, объявлял другие гипотезы фантазерством. Однако это не помешало ему обосновать теорию переселения славянских племен из Индии в Европу, которое произошло якобы задолго до прихода греков и римлян⁷.

Вельтман был убежден, что славянские народы представляют отдельную цивилизацию, являясь носителями

особенного духа, отличного от западного рационализма и восточного фатализма. Уникальность славян заключалась, по его мнению, в приверженности к единственно истинным «тримуртическим» верованиям, хранителями которых они остаются со времен переселения из Индии. В христианстве Вельтман видел новый этап развития «тримуртической» религии, ислам же считал «халдейским расколом в веровании магов»⁸, а рационализм и атеизм Европы рассматривал как современное воплощение буддизма⁹. Он утверждал, что славяне со всех сторон окружены врагами и только объединившись могут отстоять свою самобытность. Первым правителем, которому это якобы удалось, был Аттила. Впоследствии безуспешные попытки собрать славян под рукой киевских князей предпринимал Святослав¹⁰. Согласно Вельтману, если в древности славяне смогли отстоять свою независимость и самобытность, встав под общие знамена, то и теперь они могут спастись от ига австрийцев или турок под крылом российского орла. Противостояние России с Востоком и Западом трактовалось им как противостояние носителей истинной «тримуртической» религии с «буддистами» и приверженцами «дуалистических верований».

В середине XIX в., в условиях внешнеполитической изоляции России, идеи «русского» панславизма начинают распространяться в государственной и военной среде. Одним из его приверженцев стал И.П. Липранди, военный и государственный служащий, знакомый Венелина и близкий друг Вельтмана, знаток европейских областей Османской империи, чьи записки, по выражению самого автора, «шли на самый верх», а статьи публиковались в крупных российских журналах. В своих многочисленных работах Липранди удачно соединил концепции, обусловленные насущными потребностями российской политики второй половины XIX в., со славистическими теориями Венелина и Вельтмана. Уже в начале 1850-х гг. автор последовательно доказывал, что болгары должны стать главной опорой российского влияния

на Балканском полуострове. С одной стороны, такая позиция была связана с общностью веры. Болгары, по мнению Липранди, единственный, кроме русских, народ, сохранивший чистоту православия, в то время как другие поддались католической пропаганде или исламизации. Кроме того, Липранди заимствовал у Венелина и Вельтмана тезис об общности исторических судеб болгарского и русского народов, которые имели опыт пребывания под властью одного правителя¹¹. И, наконец, вслед за Венелиным Липранди видел в Болгарии «классическую страну»¹², перед которой Россия находится в неоплатном историческом долгу, а значит, первоочередной задачей Империи должно стать достижение независимости Болгарии.

Так идеи о русско-болгарской взаимности, высказанные Венелиным, сформировали ядро теории «имперского» панславизма и благодаря государственным и общественным деятелям стали неотъемлемой частью политики России на Балканах во второй половине XIX в., что проявилось в стремлении России создать Великую Болгарию в качестве проводника своего влияния на полуострове.

Примечание

¹ *Arato E.* The Slavic Thought: its Varieties with the Slavonic Peoples in the First Half of the 19th Century // *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae.* 1976. Vol. 22. N 1/2. P. 73–98.

² *Павленко О.В.* Панславизм и его модели // *Новая и новейшая история.* 2016. № 5. С. 4–6.

³ Там же. С. 10–15.

⁴ *Венелин Ю.* Древние и нынешние болгаре. М., 1829. С. 228.

⁵ Там же. С. 215.

⁶ *Гачев Г.Д.* «Древние и нынешние болгаре» Венелина как научно-художественное произведение и национальный миф // *Венелин в болгарском Возрождении* / отв. ред. Г.К. Венедиктов. М., 1998. С. 47.

⁷ *Вельтман А.Ф.* Индо-германы, или сайване. М., 1856. С. 4–7.

⁸ *Вельтман А.Ф.* Первобытное верование и буддизм. М., 1864. С. 12.

⁹ Там же. С. 37.

¹⁰ Вацуро В.Э. Болгарские темы и мотивы в русской литературе 1820–1840-х годов (Этюды и разыскания) // Вацуро В.Э. Избранные труды. М., 2004. С. 580.

¹¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 673. Оп. 1. Д. 247. Л. 8.

¹² Там же. Л. 9.

DOI 10.31168/2619-0869.2020.1.06

Роль Перы Тодоровича в развитии радикализма в Сербии (1875–1879 гг.)

Ирина Сергеевна Пуяткина, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; e-mail: antze1984@mail.ru

Ключевые слова: радикальная партия, социализм, общественно-политические движения, Сербия, Светозар Маркович, Пера Тодорович, Никола Пашич

Pera Todorović and the Rise of Radicalism in Serbia (1873–1879)

Irina S. Putyatina, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russian Federation; e-mail: antze1984@mail.ru

Keywords: radical party, socialism, social and political movements, Serbia, Svetozar Marković, Pera Todorović, Nikola Pasić

Организационному оформлению радикальной партии, чья история хорошо изучена как в сербской, так и в отечественной историографии¹, предшествовал небольшой период времени после смерти первого сербского социалиста С. Марковича (1846–1875). Именно тогда оставшиеся без лидера социалисты искали основания для выработки более соответствовавшей сербским реалиям политической платформы и дальнейшей политической борьбы. На этот временной